

В час Тигра, на пятой страже, ударил утренний колокол. Цяо Сяньян проснулся от резкого звука, еще не до конца осознавая, где находится.

— Щелк! — масляная лампа в центре таза с водой выстрелила искрами. Теплого желтого масла почти не осталось, и она вот-вот должна была погаснуть.

Цяо Сяньян пришел в себя, быстро умылся и принялся проверять, все ли необходимое на месте. Убедившись, что ничего не забыл, он задул лампу и стал ждать рассвета.

Сейчас было четыре пятнадцать утра. В начале осени на севере светает около пяти, ждать оставалось около часа.

Впереди предстояла долгая работа, и он точно не успел бы закончить до открытия лечебницы, а то, чем он занимался, нельзя было показывать посторонним. Цяо Сяньян сел у двери, решив, что просто притворится, будто она заперта, и не станет открывать.

Пока Цяо Сяньян перетирал селитру, в подсобке двое провели бессонную ночь.

Стражник Гао, которого раньше бросили на пол, теперь был в почете: он лежал на постели, укрытый тонким одеялом. На столе выстроились в ряд короткий нож, фарфоровые пузырьки, серебряные банкноты, кошелек и чаша с отваром — очевидно, его обыскали и напоили лекарством.

Бай Лин сидела у стола, записывая на листке бумаги перечень трав и дозировку.

— Брат Сяньян не говорил, как называется этот рецепт?

Ду Чжун, не поднимая головы, записывал реакцию стражника на препарат:

— Нет. Подарите его госпоже из лечебницы Шаншань, пусть она сама придумает название.

Бай Лин покачала головой:

— Раз это наследие старших из его семьи, у него наверняка есть имя.

— Семья Цяо поднялась благодаря учености, а предки старого господина Цяо были простыми деревенскими жителями. То, что они разбирались в травах, еще можно понять, но этот рецепт... он просто чудо, о таком даже помыслить сложно. У их родственников тоже таких знаний быть не могло. — Ду Чжун отложил кисть. Где уж семье Цяо взять таких предков?

— В мире полно талантов. А такие люди, как брат Сяньян — искренние, добрые и открытые, —

всегда вызывают симпатию. Возможно, кто-то из великих мастеров заметил его и сделал такой подарок.

— Прямо как госпожа подарила ему «Перехват горла». — Вспоминая, как легко Бай Лин рассталась с этим ядом, Ду Чжун мог лишь радоваться.

— Я видела, что он слишком доверчив, и боялась, что его обманут. Тогда у меня под рукой был только этот флакон. Если бы не он, вчера в разрушенном храме он бы погиб. — Бай Лин вертела в руках пузырек. — Это тоже опасная штука.

— Госпожа добра, и добро к ней возвращается. Лечебница Шаншань получила два рецепта. — Ду Чжун взял чистый лист и записал другой состав. — Господин Цяо не печется лишь о своей выгоде, он заботится обо всех. Просто отдал рецепты, еще и сказал, что не уверен в результате, надо проверить. Я изучил состав и думаю, что все получится.

Бай Лин гордо улыбнулась:

— Еще бы!

Если бы Цяо Сяньян слышал, как они отзываются о нем, он бы точно рассмеялся от счастья, найдя в них родственные души. Но если бы его настоящие друзья слышали этот разговор, они бы точно сказали, что речь идет о ком угодно, только не о «их» Цяо Сяньяне — том самом проказнике, который вечно притворяется паинькой, а на деле обожает капризничать и валять дурака.

— Госпожа, — Бай Шао приоткрыла дверь, — управляющий Чан сам занялся делом, пока доктор Чжан уехал на выездной прием. Он сказал, что слуга, предавший хозяина, заслуживает смерти, а чтобы никто не стал использовать это против нас, не стоит устраивать лишней шумихи — лучше просто по-тихому закопать тело.

— Хорошо. К тому же здесь все улики налицо. — Бай Лин взяла рецепт у Ду Чжуна и, просматривая его, добавила: — Ду Чжун, сходи проверь его, чтобы он не отдал концы от одного пореза.

— Когда я вернулась, свет в аптекарской погас. Подумала, что господин Цяо лег отдохнуть, и самовольно повесила табличку Запрещено. — Бай Шао спросила: — Может, отнести ему одеяло?

— Не стоит лишних хлопот! — Бай Лин отложила рецепт, подошла к Ду Чжуну и взглянула на спящего стражника. — Ну как он?

— Я знаю меру. Если он и умрет, то только от собственного страха. — Ду Чжун приподнял нижнюю рубаху стражника — повязка на животе была чистой. — Я все сделал аккуратно,

крови почти не было.

Бай Лин вернулась к столу и убрала рецепт:

— Представь, он проснется, обнаружит, что ему вскрыли живот, услышит, что внутренности переставили местами, а если не будет слушаться — вырвут сердце. Разве он сможет прийти в себя? Удивительно, что лекарство действует именно так: когда эффект проходит, рана болит как положено, но пока действие не закончилось, с ним хоть делай что угодно — врач может спокойно лечить, и пациент не помешает.

— Старший господин, узнав об этом, будет вне себя от радости, — засмеялась Бай Шао.

— Не только старший брат. Это сокровище нашей лечебницы и благо для народа Великой Яо.
— Бай Лин направилась к выходу. — Повесьте табличку Запрещено и на эту комнату, скажите всем, чтобы ходили тише. Я пойду посплю, а вы сами решите, кто останется на посту. Как только брат Сяньян выйдет, разбудите меня.

— Слушаемся, — в один голос ответили они.

В аптекарской Цяо Сяньян наконец дождался света в окне. Он смешал в деревянном тазу селитру, серу и древесный уголь в нужной пропорции, тщательно перемешал, добавил немного воды, чтобы получилась каша, и протер через мелкое сито.

Из-за потерь при перетирании селитры у него вышло всего пятнадцать лянов. Немного он отложил, чтобы сделать фитили из бумажных скруток, а остальное упаковал.

Он обмотал лицо шелковой тканью и повязал голову платком, не снимая верхней одежды. Утро было прохладным, и, несмотря на долгую возню, он не вспотел. Основная сложность была в том, что объем работы был мал, требовалась точность и осторожность, а его нынешнее тело было довольно крепким. Правда, правое плечо все еще ныло, но он решил потерпеть.

Потряса сито еще немного, Цяо Сяньян разложил зерна пороха на длинном столе, застеленном бумагой, чтобы они просохли. Оставалось только проверить качество и разложить по банкам.

Освободившись, он заметил, что во дворе ходят люди, но никто не беспокоит его — видимо, Бай Лин отдала распоряжение. Цяо Сяньян размял запястья, обдумывая, как отблагодарить девушку, и начал приводить в порядок инструменты. Он решил прихватить с собой немного лекарственных трав, которые ему были нужны.

Когда дверь аптекарской открылась, уже приближался полдень. Цяо Сяньян вышел, сменив одежду на чистую. Хотя он взял с собой еду и воду, он планировал пополнить запасы в Динчэне, поэтому многого не осталось, а из-за того, что Цяо Сяньян был прожорлив, все припасы ушли на ночной перекус. К полудню он был голоден как волк.

— Брат Сяньян! — глаза Бай Лин засияли, она отложила палочки и встала. — Скорее сюда, мы только начали обедать.

Во дворе стояли два стола. За другим сидели Ду Чжун, Бай Шао и четверо юношей, среди которых был один гэр. За столом Бай Лин было всего трое, и когда она поднялась, остальные двое тоже поспешно встали.

Увидев, что она сидит на главном месте, Цяо Сяньян ничуть не удивился. Он сложил руки в приветственном жесте:

— Приветствую вас обоих.

Бай Лин представила их:

— Управляющий Тун и младший доктор Чжан. Здесь недалеко до города Аньпин, если брату Сяньяну понадобится помощь, просто передайте весточку.

— Приветствуем господина Цяо!

— Благодарю! — Цяо Сяньян с детства знал: даже если помощь не понадобится, на доброту нужно отвечать признательностью.

Бай Шао подала приборы, Цяо Сяньян поблагодарил ее. За столом воцарилась тишина, не было слышно даже стука палочек о чашки.

Когда Цяо Сяньян накладывал третью порцию риса, младший доктор Чжан невольно посмотрел на него. Как бы медленно он ни жевал, у него в чашке остались лишь зернышки, а гость все еще не наелся. Доктор не мог отложить палочки первым, поэтому ему приходилось подцеплять рисинки по одной.

Бай Лин рассмеялась:

— Ой, он же свой человек, брат Чжан, если наелся, можешь отложить палочки.

Цяо Сяньян кивнул доктору. Чашки были такими маленькими, что и трех ему было мало, но раз Бай Лин сказала, что они свои, он не стал церемониться.

После обеда слуги убрали со стола и подали чай. Во дворе остались только Бай Лин и Цяо Сяньян. Она протянула ему два фарфоровых пузырька:

— Это снотворное и «Перехват горла». Знаю, что не удержу тебя, брат Сяньян. Пусть дядя Чан

проводит тебя, он владеет боевыми искусствами, так я буду спокойнее.

— Тогда не буду отказываться, — Цяо Сяньян не стал спорить. Ему нужно было спешить, и в другое время он бы поехал верхом, но с черным порохом в руках надежнее было ехать в повозке. — Когда будешь в Аньпине, я угощу тебя, погуляем по городу, как раньше.

— Хорошо! Сходим в горы, поставим ловушки на фазанов, приготовим курицу в глине. — Бай Лин только что поела, но снова проголодалась. — А еще курица на плите с лепешками, это так вкусно!

— Я знаю еще несколько рецептов, приготовлю для тебя, — Цяо Сяньян был очень доволен, что его кулинарные таланты ценят.

— Ох! Тот, кто возьмет тебя в мужа, обретет великое счастье на много жизней вперед.

— Э-э...

Гэры могли как выходить замуж, так и жениться. Если гэр соединялся с женщиной, он терял способность зачать ребенка от женщины. Если же с женщиной — красная родинка на лбу исчезала, и он терял способность к деторождению. Поэтому по негласной традиции гэр выбирал что-то одно.

Другие не знали, но сам Цяо Сяньян помнил: у него с Юань Бинем, наследником князя Фуюань, был лишь фиктивный брак, а теперь они и вовсе развелись.

Технически он все еще мог и жениться, и выйти замуж, но Цяо Сяньян предпочитал мужчин, а желание оригинала жениться на женщине исполнить было невозможно. Хотя прецедентов, чтобы гэр брал в жены другого гэра, не было, кто-то должен был стать первым. Цяо Сяньян, в душе которого жил мужчина, считал, что даже если он полюбит другого мужчину, он все равно возьмет его в жены.

<http://bllate.org/book/19132/1878994>